

ЕФИМ
ГАЛЬПЕРИН

ВИЛЛА С ВИДОМ НА ВЕЗУВИЙ

(СИРОТКИ)

КРИМИНАЛЬНЫЙ
ТРИЛЛЕР

Ефим Гальперин

Вилла с видом на Везувий (Сиротки)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8272531

*Вилла с видом на Везувий. (Сиротки) / Ефим Гальперин: Издать Книгу;
Москва; 2014*

Аннотация

Судьба свела наших героев на заработках в солнечной Италии. Он и она из Украины. 22–23 года. Оба сиротки. Да ещё раз такие молодые, то, как говорят в народе, немного придурошные.

Оказались наши герои на белоснежной, богатой вилле, которая раскинулась на горе над неаполитанским заливом. Рассветы, закаты и всё с видом на Везувий. Одним словом, гламур... В общем, Италия, Неаполь, “Каммора”. Что, не слышали? Это мафия. Только покруче, чем всякая другая.

То есть уже понятно, что будет криминальный триллер. Или чёрная комедия с трупами и стрельбой... География событий: Италия и Украина.

Прошу отметить – выстрелы будут негромкие. Потому что сегодня все пистолеты с глушителями.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	6
Глава Первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ефим Гальперин
Вилла с видом на
Везувий. (Сиротки)

Villa with view of Vesuvius

(Orphans)

by Yefim Galperin crime thriller

All rights reserved by U.S. Copyright Office: PAu 3-421-674

Предисловие

Судьба свела их на заработках в солнечной Италии. Оба из Украины. Оба еще молодые. 22–23 года, она с Карпат. Он из Донбасса. Оба сиротки. Да ещё раз такие молодые, то, как говорят в народе, немного придурошные.

Короче... Италия, Неаполь. "Каммора". Наверно слышали? Это мафия. Только покруче, чем всякая другая. И чего больше всего не любит мафия? Правильно, свидетелей. Потому что, если у суда возникает вопрос: «где свидетели?», то надо, чтобы прокурор развёл руками: «откуда взять?».

То есть уже понятно, что ожидается криминальный триллер. А география событий: Италия и Украина.

Ориентируясь на клиповость мышления сегодняшнего читателя и восприятие им действительности в медийной форме, то есть как бы в виде телесериалов, стиль повествования выбран тоже киношный.

Читателю хватит фантазии представить всю эту «картину маслом» без принятых в традиционной литературе многословных описаний природы и нервических движений бровей героев.

Пролог

Италия. Отпевание. Утро.

Церквушка на живописном взгорье. Утренний колокол на всю округу. Покой, благодать. Поют птички.

К церкви подкатывает шикарный чёрный автомобиль. «Майбах» (Maybach Landaulet)

Из него выбирают парнишка невысокого роста и девушка. Не худощавая. Обоим – ну, дай, Бог, – двадцать два-двадцать три годика. И не очень-то они соответствуют это прекрасному чёрному лимузину. Хотя одеты прилично. На парнишке вообще чёрный в полоску шёлковый костюм и лаковые туфли, которые, правда, он с трудом натягивает, выйдя из машины.

Ребята входят в церковь. Возвращаются к машине со священником и служкой. Открывают дверцу. Ошеломлённые лица священника и служки. На заднем сидении в чёрном открытом мешке труп молодого рослого мужчины в дорогом костюме. Рядом с ним сидит седой старик. Живой. И как бы невозмутимый.

Девушка о чём-то просит служителей культа. Священник гордо отказывается. Более того, достаёт из-под рясы мобиль-

ный телефон. Собирается звонить «куда надо».

Девушка выхватывает у него аппарат. А парнишка по её команде достаёт пистолет с глушителем и неловко, стеснительно даже, тыкает ствол в живот священника.

Служка свой мобильный телефон отдаёт сам. Но недоверчивая девушка прохлопывает карманы у обоих, лезет священнику под рясу и достаёт ещё одну мобилочку.

Парнишка со служкой на тележке выкатывают из сарая гроб. Перекладывают туда труп. Из багажника машины парнишка достаёт кресло – каталку. Высаживает в него старика в чёрном костюме.

Гроб ввозят в церковь. Сзади парнишка катит кресло со стариком.

В принципе всё круто. Настоящий криминальный гламур. Но невооружённым глазом видно – эта пара ребят никакие не профессиональные бандиты. Непривычно им в этой роли. Так, типа «извините».

Священник начинает отпевание покойника. Косится на увесистый перстень на руке покойного. У гроба в скорбном молчании девушка. В кресле-каталке Старик. Профиль у него настоящего римского патриция. И его застывший взгляд соответствует траурности момента. Но в этом спокойствии и отрешённости что-то странное.

Италия. Выпуски телевизионных новостей.

«Загадочное исчезновение!». Именно эта новость выплывает на экраны сначала местных неаполитанских телеканалов, а потом и обще-итальянских. В кадрах под встревоженный быстрый итальянский речитатив дикторов полиция осматривает роскошную Виллу, которая стоит на обрыве над морем. С видом на Везувий.

Пустые комнаты. Всё залито солнцем. Занавеси, раздуваемые ветром. Показывается множество камер наблюдения, натканных по вилле и по периметру забора. Тут же пустые щели записывающих устройств. То есть наличие полного отсутствия дисков с записью произошедшего.

Во всех этих кадрах фигурирует пролом в белоснежной балюстраде на террасе над обрывом. Внизу в сотне метров под скалами плещется море. В сюжетах мелькают фотографии старика и статного усатого мужчины. Тех самых, что как раз присутствуют сейчас на обряде «Отпевания». Один из них, увы, в качестве отпеваемого.

Италия. Отпевание. Утро.

Кладбище на косогоре возле церквушки. Парнишка со служкой копают могилу. Поют птички. Парнишка старатель-

но равняет стенки ямы.

Служка, улучшив момент, тихонько отступает. Собирается убежать. Парнишка вздыхает, достаёт пистолет – мол, не надо, дядя, усугублять...

Гроб после отпевания вывозят из церкви. Привозят к могиле. Минута траурного молчания. Безучастный Дед в кресле-каталке.

Девушка снимает массивный перстень с руки покойного. Гроб закрывают крышкой, забивают. Опускают в могилу. Засыпают. У могилы остаётся старик в кресле. Ветер шевелит редкие волосы на его голове.

Девушка расплачивается со священником. Тот и служка сразу же срываются, было, к своим велосипедам, но парнишка переглядывается с девушкой и под пистолетом отводит их к скамейке у входа в церковь. С извиняющимся жестом привязывает. Мол, посидите, дяди, пока мы отвалим.

Служители культа смотрят, как девушка садится в машину, как парнишка подходит к безучастно сидящему у могилы старику. Как он собирается, вроде, катить кресло к машине. Смотрит на девушку. Та крутит пальцем у лба «Идиот!»

Парнишка оставляет старика у могилы. Садится за руль. Машина трогается.

В зеркало заднего вида машины: удаляется церковь, свежая могила, Старик.

Парнишка вдруг резко жмёт на тормоз.

Задним ходом машина подкатывает к могиле. Парнишка

всё-таки грузит старика в машину. Отдельно его. Отдельно его кресло.

– Мудыло! – кричит из окна девушка. Это первая фраза и звучит она на чистом украинском языке. Правда, прокладывается русским матом, – Только запомни, я никакого отношения к нему иметь не собираюсь. Это твой сырун, Микола! Что?! Ещё не всё?!

Николай выкладывает на могилу пару пистолетов. Рядом кладёт мобильные телефоны, отобранные у священника и служки. Садится за руль.

– Доволен?! – кипит девушка, – Давай, идиот, жми на педали!

Машина катит мимо священника и служки.

Церквушка удаляется в зеркале заднего вида.

– Придурок, ты чего пистолетами разбросался, – ворчит девушка, – А вдруг нам ещё пригодятся.

– Так те ж без глушителя, Маруся! А я очень не люблю, когда громко. Во! Этот нормальный. У припадочного Карло был, – он показывает пистолет фирмы «Berretta21a Bobcat» с глушителем.

Машина выкатывается на шоссе.

Пронесаются чудные итальянские пейзажи по сторонам.

Глава Первая

"Заробитчане"

Неаполь. Общежитие. День.

Залитые солнцем улочки и площади города. Жарко.

Автобус протискивается по тесным улочкам окраины города. Внутри тесно и потно.

Автобус втискивается во двор. Железные ворота закрываются. В дверях автобуса возникает жлоб номер один:

– Здорово, бляди! Выходи с вещами! Сегодня у вас баня, медосмотр, инструктаж и урок итальянского языка.

Паспорта сдать на прописку!

Одуревшие от дороги пассажирки вываливаются из автобуса. И прямо на второго жлоба, который шустро собирает паспорта.

Среди выходящих из автобуса женщин вдруг проявляется парнишка. Невысокого роста, лопоухий. Скажем, некрасивый, но смешной и с положительным обаянием. Тот самый, которого мы уже видели в церквушке, в сцене отпевания.

– О! Стоп! – удивляется жлоб, – а пидарасов вроде мы не заказывали?

Жлобы номер один и номер два проносят по коридору об-

щежития вырывающегося парнишку Заносят его в кабинет.

Через минуту оттуда выглядывает жлоб номер один:

– Эй! – кричит он в шумную толпу прибывших, выстроившихся в очередь за получением постельного белья,

– Галина Косолапова есть?

– Я! – отзывается смазливая девка.

– А ну-ка, зайди!

В кабинете у стенки стоит тот самый парнишка из сцены «Отпевание» и рядом с ним Галина, стройная, вызывающей красоты брюнетка. Перед ними в кресле качается Сутенёр.

– Ты чего-то не догоняешь, пацан... – говорит он парнишке.

– Николай, – исподлобья огрызается парнишка.

– Ладно. Николай. Ты вообще врубаешься для чего твоя жена здесь? – он обращается к Галине: – Чем заниматься будешь, знаешь?

– Знаю.

– Ну?

– Трахаться буду. За деньги!

– Вот! И как же ты, Колян, себе представляешь свою жизнь при ней?

– Ну, я... Чтобы её не обидел кто.

Все смеются. Жлоб номер два, вообще, складывается от смеха пополам.

– Ну, ты клоун! – досмеивается Сутенёр, – Это ж кому расскажи – хуй поверят.

– Да, чего вы от него хотите! – раздражённо поясняет Галина. – Контуженный он. Авария была на подводной лодке.

– Понятно! С ядерным реактором спал. В обнимку! – смеётся жлоб номер один.

– Всё время полшестого... – показывает, как бы упавший член, жлоб номер два.

– Да, ладно! Лодка не атомная никакая! – огрызается Николай, – Просто в главном отсеке затопило... Выбралось нас тогда всего двое. Через торпедный аппарат. Комиссовали.

А вы возьмите меня на работу!

– Кем? Клоуном?

– У меня права есть. Вождение грузового и легкового транспорта. Ну, в охрану могу.

– Серёга, Лёха стали рядом! – командует Сутенёр.

Оба жлоба выстраиваются у стены во весь рост. Два таких «шкафа». А в центре, как бы «мини-этажерочка». Николай.

– Что, в Краснодаре мужиков недохват? – спрашивает Сутенёр Галину, – Что ж ты за такого шнурка пошла?

Николай обижается, бросается на Сутенёра. Но жлоб номер один начеку – подставляет ногу. Николай падает. Его поднимают, придерживают.

– Та... Ещё в школе у нас началось, – отвечает Галина, – Легче было дать, чем не дать. И «залетела». А он добрый! Заботливый. Думала... – обрывает себя, – Та не думала ни хера! Дура была!

– А теперь умная?

– Та! Такая же дура!

– Ну, я сейчас добрый, – говорит Сутенёр, – Давай, пацан, назад в Донбасс. Завтра автобус назад пойдёт. Бесплатно отправлю. К маме с папой...

– Нет их у меня. В аварии оба. Десять лет назад, – отвечает Николай.

– Что, совсем никого?

– Дочка! Четыре года.

– От этой?

– Ага! С тещей оставили.

– Значит, езжай к дочке, пацан!

– Нет! Я...

– Уже напрягаешь! Взяли, хлопчики, придурка! – командует Сутенёр, – сильно не бить. Отвезти подальше, чтобы дороги назад к нам не нашёл. И запомнить в лицо. Ты, Колян, держись как можно дальше. Я добрый редко бываю. Зарежу.

Окрестности Неаполя. Дорога. Ночь.

Останавливается машина. Серёга и Лёха достают избитого Николая, кладут на обочине. Машина уезжает.

Николай с трудом встаёт, мотает головой. Достает из разорванного пиджака паспорт, водительские права и привезенные целых десять евро.

Хромая, подбирается к выпуклому зеркалу безопасности, установленному на крутом повороте дороги. Рассматривает

себя. Синяки, ссадины.

– Коля, Коля, Николай – сиди дома, не гуляй! – говорит он сам себе.

Внизу огнями светится Неаполь. Красиво! Самое время зазвучать «Санта Лючия».

Неаполь. Приключения Николая

Вообще, пусть песня «Санта Лючия». Все, конечно, помнят такую, томную песню. Вот пусто она будет лейтмотивом всей истории. Но чтобы было в ней больше украинского, добавим в неё парафраз из песни: «Ой, летіли дикі гуси» в исполнении Нины Матвиенко.

Именно под эту мелодию и будет встраиваться в итальянскую действительность Николай:

Раз: Строительство дороги. Николай под жарким солнцем таскает булыжники, сыпет щебёнку. Не удержав, роняет камень на ногу бригадиру. Его выгоняют с криком.

Два: Таскает мешки с цементом в порту. Не удерживается на трапе и летит с мешком в воду. Выгоняют с криком.

Три: Ночует на пляже. Рядом голая парочка, выбравшись из воды, собирается заняться сексом. В процессе дама двигается по песку и голой попой натывается на Николая. Кричит, как сирена. Николай улепётывает, а голый партнёр дамы стреляет ему вслед.

И наконец: Николай роется в баках с едой за рестора-

ном. Подъезжает машина. Нужно помочь разгрузить. Николай бодро таскает ящики в склад ресторана. Слава Богу, ничего не уронил. Высокий худой мужчина, командовавший разгрузкой, выносит Николаю тарелку с едой. Стоит, разговаривает с ним, пока тот ест.

Неаполь. Ресторан. Вечер.

Мощной струёй остатки еды смываются с тарелки. Потом эта тарелка ошпаривается кипятком и... Падает на пол.

Дребезги!

Ну, кто сомневается! Конечно, тарелка выскользнула из рук Николая. Он – посудомойка.

В смешном колпаке, в грязноватом не по размеру халате, подвязанным верёвкой. Резиновый фартук и большие перчатки. Николай виновато оглядывается.

– Ты уже третью бьёшь, Коля, – на русском языке, но с сильным акцентом говорит ему напарник по мытью посуды. Это тот самый высокий, худой мужчина, что командовал погрузкой, – давай быстро её в мусор, пока хозяин не появился.

Они успевают! Хозяин ресторана пролетает мимо минутой позже.

Николай продолжает мыть посуду, поглядывая сквозь полуоткрытое окно подачи в зал ресторана.

Уже за полночь и посетители почти все разошлись. Лишь в углу гуляет большая компания. Такая себе семейная пи-

рушка. Носятся детки. Судачат жёны. Вяло переговариваются, попивая вино, мужья.

Во главе стола рослый, усатый мужчина в дорогом чёрном костюме. Между прочим, знакомое лицо... О! Да, этот тот, которого отпевали в маленькой церкви. Всё правильно. Сейчас ведь мы в начале истории.

По всему видно, что этот мужчина главный. Босс! Главный! И по тому, как он себя ведёт, и как ведут себя окружающие, которые тоже, видно, «крутые» мужики.

Николай видит, как охранники, стоящие за спиной у Главного, пропускают к нему знакомого ему Сутенёра.

Тот подобострастно прикладывается к руке Главного, что-то просит и получает благословение-кивок.

– Что, знакомого увидел? – спрашивает Николая, припавшего к окошку, напарник.

– Да. Нет. Так просто.

– Ты вообще глаза туда не пяль. Они этого не любят.

– Кто они?

– Хозяева жизни. "Каммора". Слышал?

– Не.

– А мафия?

– Тю! А как же!

– Так вот это каморра. Самая крутая из мафий. И самая древняя. Тут недалеко на набережной Санта-Лючия, родился всемирно известный Аль Капоне. Слышал про такого? Отсюда он уплыл в Соединенные Штаты, где его еще не ско-

ро забудут.

Николай с интересом смотрит в зал.

– Знаешь. Коля, что такое «Il testimone»? – говорит напарник, – Свидетель. У них, как у охотничьей собаки, рефлекс на это слово. Убирают сразу. Чтобы на суде потом не могло звучать: «а теперь, синьоры присяжные, заслушаем свидетелей».

– А я шо? Я ничо! – пугается Николай.

– Просто предупреждаю.

– И откуда ты всё знаешь? И русский язык и всё это?

– Ну, русскому нас в школе учили, пока мы были братьями по социалистическому лагерю. А вообще я профессором университета был в Белграде, пока сраный Клинтон нас не разбомбил.

– А этот район, где все проститутки выгуливаются? – спрашивает Николай, – Ну, ты рассказывал. Где, говоришь, полный интернационал. И ваши и наши.

– А! Шумное место. «Иподроме ди Агнано». Жену хочешь проведать?

– Да и в голове не было.

– Просто опять предупреждаю, – говорит югослав, – Давай, иди, собирай посуду.

Николай, неуклюжий в своём смешном наряде, выкатывает тележку в опустевший зал. Собирает со столов грязную посуду, опасливо поглядывая в сторону мафиози.

Возле одного из столиков в стороне от этой шумной ком-

пании, но явно принадлежащий к ней, сидит в кресле-каталке старик в элегантном чёрном костюме. Задумчивый. Между прочим, тот самый Старик который тоже присутствовал на «Отпевании» Опять же, не забываем, мы ведь сейчас в начале истории.

Итак, сидит Старик в стороне. Наверно, чтобы не отвлекала эта суматоха.

Николай собирает тарелки со стола возле него.

– «Скузи»! – извинительно произносит Николай первое выученное им итальянское слово.

Старик не реагирует. Видно, сильно задумался.

Николай откатывает порцию посуды в мойку и возвращается. Собирает бокалы с того же стола. Ещё раз вежливо извиняется. Никакой реакции. Ненавязчиво заглядывает в лицо старика и понимает, что перед ним человек после глубокого инсульта. Это когда вроде вся физиология на месте. А мозги заснули. Бессмысленный взгляд. Пустота в глазах.

Николай пожимает плечами, продолжает сбор бокалов.

И тут он совершенно чётко принимает чужую мысль. Просьбу! «Пить!» Он даже оглядывается по сторонам. Никого. Только Старик. И это: «пить!» Николай присматривается. Замечаетдвигающийся кадык и запёкшиеся губы.

– Сейчас, дед, сейчас!

Николай находит на столе непечатую бутылку воды, выбирает чистый бокал. Наливает, подносит к губам Старика. Вода проливается. Тогда парнишка берёт ложечку и начина-

ет поить старика из ложечки. Тот судорожно, торопливо глотает. Видно, жажда мучит его давно.

– Не торопись, дедуля – приговаривает Николай, доливая в ложечку воды – водички хватит. Сейчас мы ещё ложечку.

И ещё.

Тут холодок прокатывается у Николая между лопатками. Вот такой чувствительный он паренёк. Сразу оглянуться он боится. Косится. Да! Кто – то стоит за его спиной.

Николай выпрямляется, поворачивается.

Перед ним тот самый! Главный. Он что-то спрашивает на итальянском языке. Николай испуганно мнёт свой колпак, разводит руками, лепечет на русском языке:

– Ну, я тут... Посуда... Собираю. Вижу, человек пить хочет.

Я просто...

Главный достаёт из кармана крупную купюру. Суёт Николаю. Тот благодарно кивает, подхватывает свою тележку с грязной посудой и быстро толкает её по полутёмному залу, подальше от беды.

Уже вкатывая тележку в двери мойки, оглядывается. Главный сидит рядом со Стариком. Обнимает его бесчувственного. Целует. Гладит по волосам. Что-то говорит. Поит старика из ложечки.

Николай с югославом уже заканчивают мыть посуду. Вдруг дверь в мойку резко открывается. В дверях Главный с парой телохранителей, хозяин ресторана и ещё шупленький

невысокий блондин лет тридцати похожий на белую мышь. Он тоже из той компании за столом.

Югослав и Николай замирают в пару и полумраке мойки. Главный подзывает Николая, спрашивает, заглядывая в лицо:

– Как ты догадался, что он хочет пить? – переводит вопрос на русский язык блондин.

Николай испуганно пожимает плечами и комкает тряпку в руках. Молчит.

– Как ты догадался, что его отец хочет пить? – повторяет блондин и добавляет от себя: – ты не бойся, пацан. Меня Виталием зовут. Я переведу.

– Да, не знаю. Как-то... Ну, почувствовал, что дедушка пить хочет.

Виталий переводит его слова.

– Откуда?! – спрашивает Главный.

– С Украины.

– Родители есть?

– Сирота.

Главный обнимает Николая за плечи и выводит из мойки. Парнишка испуганно оглядывается на югослава. На хозяина ресторана.

– Не бойся! – говорит ему Виталий, – Дон Чезаре берёт тебя к себе.

Окрестности Неаполя. Ночь. Дорога.

Ошалевшего Николая сажают рядом со стариком в большой чёрный лимузин. Ночь. Они едут по шоссе. Старик сидит прямо. Римский профиль. Бессмысленный взгляд.

В зрачках проплывают фонари вдоль дороги. Тишина.

Неаполь. Вилла. Ночь.

Какие-то ворота. Открываются. Закрываются. Два охранника выгружают бережно Старика. Садят в кресло – каталку. Везут. Николай идёт следом.

Привозят в большую комнату с кроватью в центре. Рядом возникает говорливый старичок. Ласково кивает Николаю. Показывает на себя:

– Синьор Энрико.

Ведёт, показывает туалет. Николай заходит – зубная щётка, мыло, полотенце. Душ. Выходит Николай уже, когда Старик лежит в постели. Синьор Энрико показывает на кушетку в углу комнаты. Мол, это твоё место. Николай ложится. Засыпает. Так кончается первый фрагмент воспоминаний в этой истории.

Италия. Пограничный пост. День.

Внизу под горой пограничный пост. Это граница Италии и Хорватии. Машина, в которой Николай, Старик и девушка уже знакомая нам по сцене «Отпевание», останавливается на обочине.

– Ну, главное, чтобы он дежурил, – говорит девушка и спускается пригорка к пограничному пункту.

Николай достаёт из багажника блок со стульчаком. Это туристический унитаз улучшенной конструкции фирмы «Бауэр». Парнишка раскладывает его в рабочее положение. Высаживает Старика покакать.

Снизу на пригорок от пограничного поста поднимается на весьма приличном «Мерседесе» толстый смешной итальянский пограничник. С ним наша девушка.

Итальянец обстоятельно осматривает их «Майбах». Глаза у него горят. Но он начинает кудахтать, сбрасывая цену.

Девушка подзывает Николая, чтобы тот посмотрел машину пограничника. Тот оглядывает «Мерседес»:

– Хорошая машина!

– Придурак! Ты рожу скриви, что, мол, машина гавно. Понял.

Николай старательно кривит рожу. Пограничник ещё жарче начинает доказывать, показывая на пальцах, что два паспорта это он запросто, но вот этот старик вообще без доку-

ментов. Оживлённый торг. Девушка напирает.

Старик невозмутимо восседает на стульчаке, а Николай кормит его из ложечки, поглядывая на торгующихся.

– Ото, надо мне учиться как она, Дед... Клята девка! Как танк!

Всё! Девушка и пограничник ударили по рукам.

Пограничник отсчитывает деньги, забирает паспорта ребят, переносит свои мелочи из «Мерседеса» в «Майбах».

Николай с девушкой наоборот – всё своё переносят уже в «Мерседес».

На полу покидаемого «Майбах» Николай подбирает оброненный кем-то мобильный телефон. Красивый такой. С кнопками.

– В хозяйстве всё сгодится, – бормочет Николай и кладёт аппарат в карман. Пограничник отъезжает. Уже на «Майбах».

Ребята съедают по бутерброду, сажают старика в «Мерседес». Складывают стульчак. Девушка честно делит пачку вырванных от обмена денег. Почти пополам. Отдаёт Николаю его долю. Свою долю прячет в бюстгальтер.

Съезжают к пограничному посту. Из будочки важно выходит тот же самый толстый пограничник. Теперь он уже при исполнении обязанностей. Вручает им отштемпелёванные паспорта. И справку для старика. Даёт ещё свою визитку – мол, действует как пропуск. Николай уже, было, трогается. Тут пограничник кричит «Стой!» Убегает в помещение.

– Чего это он? – настораживается Николай – может нас полиция уже в розыск объявила? По газам?!
– Не дергайся!

Италия. Выпуски телевизионных новостей.

... «Подробности загадочного исчезновения»... Это заголовки всех выпусков телеканалов. Неаполитанских и общенациональных. Нервный монтаж. Тараторящие дикторы. «Самая горячая новость дня». На экранах в начале сюжетов то же: полиция осматривает пустую виллу на обрыве над морем. Пролом в балюстраде на террасе виллы.

Но вот уже новое: водолазы среди прибрежных скал под виллой. Они поднимают трупы из моря. Шесть штук. Среди них тело того самого домоправителя Энрико.

Опять крупно на экранах фотографии Старика и мужчины, которого сегодня похоронили возле церквушки. Он же тот самый Главный, которого мы видели в ресторане. Судя по подписям на картинках, зовут его «синьор Чезаре», а Старика – «синьор Лоренцо».

Италия Расследование ведёт сама мафия.

Это уже не официальная хроника, а наоборот. Хромой Луиджи со своими бойцами кричит на владельца ресторана,

где работал Николай.

Допрашивают югослава – мойщика посуды.

Кричат на Сутенёра.

Хромой Луиджи врывается в комнату, где Галя обслуживает очередного клиента. Орут на неё.

Рядом с Луиджи всё время тот самый невзрачный русский переводчик Виталий.

Италия Пограничный пост. День.

Выбегает полицейский, суёт Марусе ещё одну бумагу. Долго извиняется.

– Трогай! – командует девушка – «Розыск, розыск»... За такой чёрный лимузин, он маму родную продаст, а не то, что всю сранную полицию. Это он, мудыло, документ на машину забыл отдать. Я сразу не врубилась. Хотя ж про это ж глотку и рвала. Чтоб документ... Из-за этого он тоже цену сбил, – она смотрит бумагу и возмущённо кричит: – Бля!

Он владельцем машины, тебя вписал. Поздравляю!

Обидно ей. Вырученные деньги за разницу в «Майбахе» и «Мерседесе» поделили пополам. А теперь эта машина не её получается.

Едут.

– Э! Зачем машину сменяли? Был бы я владельцем «Майбаха»! – вздыхает Николай.

– Тю на тебя! Да, на твоём «бехе» мы бы здесь и десяти

километров не проехали. Таких на всю Европу всего сотни три. Так что или местная полиция уже прицепилась бы, или бандиты грохнули бы. Машина, москаль, должна быть по чину. И потом, чем ты пограничникам по дороге проплачивать будешь?! Я за тебя не собираюсь. А тем более за твоего сыруна. Сели на мою голову... – она крутит в руке визитку итальянского пограничника.

Хорватия. Сербия. Пограничные посты. День.

Действительно на въезде в Хорватию всё идёт по маслу. Достаточно показать визитку. Потом они проезжают ещё один пост из Хорватии. Девушка показывает визитку полицейского – их пропускают.

Еще один пост в Сербию. Тут уж визитка не действует.

Отъезжают на обочину. Пока Николай высаживает на стульчаке Старика, девушка торгуется с местным пограничником. Даёт денег. Их пропускают. Едут.

– Паспорта у нас нормальные. Справка на деда срабатывает тоже, – комментирует девушка, – Но всё равно... Так мы до дома голые будем. Надо машину опять менять. Они ж по машине смотрят. Раз «крутая», то можно больше содрать. Да и шмотки тоже надо менять. Не хер тебе в костюме «вышивать». Чем ближе к родной Украине, тем больше прибедняться надо.

Они останавливаются, переодеваются в одежду попроще.

Позатрапезнее. Николай аккуратно складывает свой костюм.

– Деда бы переодеть надо тоже, – говорит девушка, – А то при таком параде... У тебя чего есть?

– Вот курточка.

Прячут пиджак Старика. Расстёгивают рубашку. Пылью мажут лицо.

Спят ночью в машине на стоянке.

Снова петляет дорога.

Румыния. Пограничный пост. Утро.

Привычная картинка. Старик на стульчаке. Маруся торгуется с пограничниками. Ударили по рукам. В результате они переносят свои вещи в большой, но ещё приличный «опель». Усаживают Старика. С трудом впихивают в багажник его стульчак и кресло-каталку. Едут по Румынии. Дорога. Самое время вернуться к началу истории, когда Николая привезли на виллу.

Сон Николая.

Снится ему всё время одно и то же:

Отсек подводной лодки. Затопление. Вода поднимается. Хлюпает под самым потолком. Рядом плавает труп матроса. Николай с жадностью глотает воздух, ныряет и, наконец,

ломает задвижку, Выныривает в узкую щель, где есть ещё остатки воздуха под потолком отсека. Находит изолирующий противогаз ИП-46. Приводит в действие регенеративный патрон. Маска на лицо. Нырять к торпедному аппарату. Протискивается в трубу. Долгое движение по трубе.

Удушье не покидает его и в следующем отрывке постоянно преследующего его сна:

Квартира. Ночь. Через отражение в зеркале – Галина и Николай голые. Сидят рядом на кровати. Злая Галя, курит, говорит прямо перед собой:

– Мудак! Я молодая. Жить хочу. Ебаться хочу. Время уходит моё. Горбатиться, как мать всю жизнь...

Неаполь. Вилла. Утро.

Николай открывает глаза, соображает, где это он. Лёгкий ветерок колышет занавески в большой белой комнате. В центре комнаты под балдахином на широкой кровати спит Старик.

Николай в своих длинных сатиновых семейных трусах выходит наружу.

Оказывается на просторной террасе роскошной белой виллы, на вершине скал. Внизу метрах в ста лениво, мирно ворочается, плещется рассветное Средиземное море. Сизая глыба Везувия, а правее как бы зависает в небе обломок скалы. Это остров Капри. Красиво!

Николай доходит до края, облакачивается на перила балюстрады. Смотрит вниз. Голова кружится.

– Buongiorno! – Доброго утра желает мелодичный девичий голос за спиной.

Николай оглядывается. Перед ним девушка. Та самая Маруся – нынешняя его спутница.

Но ведь это как бы начало истории. Поэтому здесь для Николая она просто незнакомая итальянка.

Девушка в лёгком платье, фартучке, заколка в волосах. На подносе два стакана со свежими соками.

– Пронто! Arancio, della limonata? – ласково улыбается она, предлагая на выбор апельсиновый сок или лимонад.

Николай берёт стакан с апельсиновым соком, в котором плавают кубики льда, просвеченные солнцем. – Грацио! – вспоминает он, как будет «Спасибо».

Николай пьёт мелкими глотками. И переживает этот длящийся сказочный момент. Почему в Донбассе не принято пить по утрам апельсиновый сок?!

А тут ещё для полноты счастья из-за горизонта показывается диск Солнца, и всё окрашивается нежным светом.

– Ну-у-у! – вырывается у Николая, – это же красота какая! Мама родная!

И тут ему в лицо заглядывает удивлённая девушка и на русском языке с явным украинским акцентом произносит:

– Тю-ю-ю!

– Ты чего?! – удивляется Николай этому универсальному

«тю!»

– Так ты не югослав! Что же мне Энрико натрендел. Бля!
И как тебя зовут, земляк?

– Коля. Николай Косолапов. А тебя?

– Маруся. Чемеряк. Львовская область. А ты из каких краёв?

– Краснодар.

– А-а-а. – презрительно тянет Маруся, – Значит москаль сраный.

– Да пошла ты нахуй, бендеровка недобитая!

– Сам пошёл! – девушка выплёскивает лимонад за балюстраду, резко поворачивается и стучит каблучками прочь.

Николай сконфуженно оглядывается. Видит бассейн с подсвеченной голубой водой. Решительно направляется к нему, спускается в холодную воду. Повезло! Это же можно проплыть, как положено бывшему подводнику, свои утренние четыреста метров.

Николай плывёт, ритмично дышит. Холодная вода бодрит.

– Buongiorno! – На краю бассейна стоит тот самый, с вечера встреченный, синьор Энрико – пожилой сухонький шустрый и очень говорливый итальянец. Домоправитель. Он кипуч, суетлив. Его постоянная приговорка «Мы с синьором Лоренцо много дел в этой жизни переделали» такой тонкий намёк на большую дружбу со Стариком. А сейчас синьор Энрико машет Николаю. Мол, «вылезай и за дело!»

Начинается показательное занятие – что будет входить в круг обязанностей Николая. Старика в ночной рубашке и колпаке поднимают из постели. Сажают на стульчак.

Стульчак, уже упомянутый выше, он же компактный туалет немецкой компании «Бауэр» будет активно фигурировать в нашей истории. Можно сказать, окажется полноправным героем. Это такой себе туристический туалет специальной модификации со спинкой и подлокотниками, для придания эстетичности процесса дефекации. Со стороны вроде бы чинно сидит человек на стуле, только штаны спущены. А на самом деле всё быстро складывается в удобный для перевозки блок. И быстро раскладывается для использования.

Итак, сидение, спинка, ведро. Для извлечения ведра из пластикового кожуха имеется лючок сбоку, оборудованный непростым запором во избежание произвольного открывания и выплёскивания.

Синьор Энрико показывает Николаю, как открывается шпингалет, утопленный в стенку стульчака.

Николай достаёт и выливает ведро. Моет. Под наблюдением Домоправителя нажимает шпингалет, вставляет ведёрко назад.

Пока Старик отправляет свои естественные надобности, Маруся приносит свежесжатый апельсиновый сок. Поит Старика с ложечки. Потом ему полощут рот. Чистят зубы. Зубы у него свои! Бреют электрической бритвой.

Потом раздевают, с помощью небольшой лебёдки кладут

в ванну, моют. Особое внимание уделяется рукам. Их массируют, мажут кремом. Кремы в красивом чемоданчике. Фирма! Одевают Старика в белый летний костюм. На руки надевают белые нитяные перчатки.

Умытого и выбритого Дона Лоренцо пересаживают в кресло-каталку и вывозят на террасу. Над ним открывают зонт. Рядом на столик Маруся выставляет фужер со свежим соком. Николай усаживается рядом.

Просто картинка из глянцевого, дорогого рекламного проспекта! Терраса, залитая солнцем. Ослепительно синее море. Благополучный богатый синьор, любующийся пейзажем. Зонт, балюстрада, столик, кресло, костюм – всё выдержанно в белой тональности.

Старик сидит в кресле с непроницаемым лицом. Как бы занятый поиском расползающихся звуков и значений. И только вблизи – пустое лицо с остановившимся взглядом человека, поражённого глубоким инсультом.

При этом созерцание Старика в его состоянии не вызывает ни капли брезгливости. Это не запущенная старость. Не сумрак затухающей жизни. Нет! Физиология и инстинкты в порядке. Прямая спина! Гордая осанка настоящего римлянина. Тонкие длинные пальцы рук на подлокотниках кресла. Всё вызывает только уважение к годам. И жалость к его одиночеству и пустоте в глазах.

Ближе к полудню, когда начинает припекать, Старика завозят в комнату. Маруся приносит перетёртую еду. Кормят

с ложечки. Николай осваивается. Кормит, приговаривая:

– Ну, ещё одну ложечку. За сына! Кто-нибудь у него ещё есть?

– Никого – подсказывает Маруся.

– А! Ну, тогда за память тех, кто был. За маму. Мама ж у тебя была, дед? А теперь за папу? Был же папа? Был! И Дедушка у тебя был.

Снова высаживают Старика на стульчак. Потом подмывают. Укладывают в постель, передохнуть, пока жарко.

Днём приезжает сын синьора Лоренцо – синьор Чезаре. Длинный лимузин. Ворота автоматически открываются. Двое телохранителей.

Первым делом, как заведено, Маруся – фартучек, заколка в волосах, улыбка – выносит им на подносе свежий сок с ку-сочками льда в бокалах.

Синьор Чезаре целует Старика, ласково с ним разговаривает. Уходит в большую столовую, где Маруся уже накрыла стол.

Между прочим, вся территория виллы напичкана видео-камерами. Экраны слежения в столовой, кабинете синьора Чезаре и даже на кухне.

Николаю обед Маруся накрывает в комнатке рядом с кухней. Строго выставляет тарелки с едой. На его «дякую!» фыркает.

Только Николай успевает съесть салат, как заглядывает синьор Энрико, зовёт на кухню. Показывает разобранную им

мощную соковыжималку. Просит поддержать станину, чтобы не свалилась. Возится с проводами. Николай держит тяжёлую станину на весу. Понимает, что с таким специалистом, как синьор Энрике он обед кушать будет холодным.

Но не это главное. Чувствует он, что не ровён час, не удержит станину. Ляжет она с грохотом на мраморный пол, а то ещё и на ногу домоправителя. А это опять для паренька крик и очередное изгнание.

Поэтому Николай, молча, отодвигает синьора Энрико и чинит всё сам. Шестой разряд шахтного электрослесаря за «просто так» не дают.

Синьор Энрико уважительно тянет «О!». Мотает на ус – появился специалист широкого профиля, и можно будет его эксплуатировать.

– Да ты рукастый, москалик! – удивляется Маруся.

– Пошла нахуй! Давай лучше апельсины. Проверим, как машина крутит.

Девушка заводит Николая в кладовку. Тот обалдевает, увидев горы апельсин, лимонов и всяких других фруктов. Да, это не Краснодар.

Загружает соковыжималку. Включает. Сок льётся.

Николай наконец-то обедает.

К вечеру Старик плавает в бассейне. Всё как ещё пару лет назад. Только тогда он делал это с удовольствием в виде пары, скажем так, массажисток. А тут вот Николай в длинных семейных трусах толкает надувной круг. И тело Старика без-

жизненно висит в воде.

Потом с помощью лебёдки Старика извлекают из воды.

Здесь самое время упомянуть технические детали, которые сыграют свою роль в нашей истории. Дело в том, что проход вдоль бассейна узковат. И чтобы пройти от забора, надо опереться на невысокий высоковольтный щит, из которого выходит кабель, обеспечивающий питание лебёдки. Придирчивый инспектор по технике безопасности с той же краснодонской шахты, где работал Николай, обязательно поднял бы «хай». Потому что кабель вполне может сорваться. Оголёнными концами лечь в бассейн...

И, конечно, потребовал бы этот инспектор принять меры. Но вот не оказалось такого придирчивого инспектора в Неаполе. А электрик шестого разряда, Николай это нарушение заметит и даже укажет на это домоправителю.

Но поздновато. Так сложится. Но об этом ниже. В нужном для сюжета месте.

Старика после купания облачают в махровый халат, сажают в кресло – каталку. Ввозят в столовую. Опять же, ещё пару лет назад он гордо восседал во главе стола с удовольствием в виде тех же массажисток с двух сторон. А вокруг почти-точно сидели – как там называют в мафии: члены «семьи». Увы, теперь Старик сидит один. И его с ложечки, напевая что-то из Газманова, кормит парнишка Николай. С Донбасса.

Опять процедура со стульчаком. Потом переодевание. Ко-

стюм чёрный, шёлковый. Для вечернего моциона. Выкатывают Старика на террасу, поворачивают лицом на закат. Маруся выносит фужер с вином. Ставит на столик, Домоправитель выкладывает рядом сигару, что-то уважительно говорит Николаю по поводу этого. Маруся переводит:

– Синьор Лоренцо всегда любил потягивать вино «Брунелло ди Монтальчин» тридцать восьмого года и курить индийские сигары. Вот все думают, что на кубинских свет клином сошёлся. Но синьор Лоренцо знал толк! Самые лучшие индийские Gurkha.

Тут Маруся добавляет от себя:

– Ты, москаль, винцо выпивай. Жалко потом выливать. А сигару не трожь. Потому что всё время одна и та же. Синьор Энрико под этот шухер, каждый день ту, что надо выкладывать, сам курит.

Николай присаживается рядом со стариком. Солнце опускается в море.

Приходит синьор Чезаре, целует отца в щёку. Потом его с телохранителями увозит длинный лимузин.

Николай поит старика водой из ложечки. Смотрит в море. Косится на бокал с вином. Пробует. Морщится. Как для него так кисловато винцо.

Маруся подходит, стоит рядом, облокотившись на парапет. Тоже любитесь закатом:

– Слышь, москаль, я смотрю, сидишь уже два часа и не ворохнешься. Ну, дед тот, понятно, пялится в никуда. А ты

как выдерживаешь? Может, спишь?

– Да нормально. Ещё в военкомате, на медкомиссии, когда определяли в какой род войск, врач сказал, что у меня такой психический аппарат. Умеет это... Замедлять процессы. То есть, что я гожусь в подводники или снайперы.

– И в «кого» ты пошёл? В снайперы?

– Не. Я не люблю когда громко.

– И где же тебе подводную лодку нашли?

– Тю! Сдурела! В армии Украины. У нас две подлодки есть. А ты где языку научилась?

– У нас в селе на шести языках говорят. Это тебе не твой Донбасс и не Полтава. Европа! В третий раз хожу за кордон. И в Югославии работала. И здесь во Флоренции.

– И в проститутках была?

– Пошёл нахуй! Поразвелось вас! Куда не ткнись, бя, земляки! – негодуя, девушка уходит в кухню.

Граница Украины. День.

Уже на каком-то драндулете типа «Шкода» ребята пересекают границу с Украиной. Кресло – каталка в багажник не влезает. Прикручена на крышу машины.

Останавливаются у маленького пограничного поста.

Николай привычно высаживает Старика на стульчак.

Обстоятельный украинец с погонами прапорщика обходит машину. Листает паспорта. Маруся объясняет:

– Заробітчаче мы.

– Вижу.

– Из Неаполя. На стройке вкалывали.

– Вижу.

– Отож и дед с нами работал. А потом, на тебе, инсультом разбило. В больнице отвалялся. Везём домой. Может ещё оклемається.

– Вижу, – говорит пограничник.

Но на самом деле он видит только одну сотню евро, которые, как положено, лежат между страницами паспорта и старенькую машину. То есть, поживиться нечем. Но вдруг... Может обломится...

– У вашего дедугана документов нет.

– Так вот же справка. Итальянская, пограничная.

– Справка это у них в Италии может и документ. А у нас в Украине... Задерживаем. Составляем акт.

Николай дёргается, но Маруся останавливает его взглядом.

– Задерживаешь?

– Задерживаю, – важно говорит пограничник.

– Акт составлять будешь?

– Буду!

– Молодец! Задерживай, начальник. Только это всё про Деда. Потому шо у нас с документами порядок! Ага?! И забашлять мы тебе забашляли. Как положено. По прейскуранту. Сто евриков. Отметку сделал? Спасибо! Всё, мы поехали

– запикивает Николая за руль, оставляет старика на стульчаке. – Пока! Просрётся, ты его, начальник, подотри! – командует Маруся уже из окошка машины.

– Тю-ю-ю на тебя! Э-э! Ты чё, девка? – обалдевает прапорщик, – Родственничками раскидалась.

– А ты докажи, что он родственник. А может, прибилудился дорогой. Сам говоришь, справка итальянская. На территории рідної України хождения не имеет. Бувайте, діду! Оці гарні хлопці вам жопу будуть підтирати. Кашки зварять. А ми поїдемо. Заяву складемо. Що знущались над старою людиною. И будешь, начальник, отвечать. Если хоть волосок с головы. А если, не дай Бог, он у тебя помрёт...

– Да пішла ты на хер, горластая. Грузи ты своего сыруна! И чтобы духу вашего не было!

Едут уже по просторам Украины. На повороте с крыши машины слетает кресло – каталка. Останавливаются. Но кресло летит вниз с горы.

– Ну, и кому оно надо будет после такого полёта? – констатирует Маруся.

Трогаются. Бежит за окнами автомобиля уже родная украинская природа.

– Остановимся – говорит Николай.

– Чего?

– Дед пить хочет.

Поят деда из ложечки. Снова едут.

– Остановимся.

– ?!

– Надо Деда на горшок сажать.

– Так вроде ж не пахнет.

– Ну, тогда уже поздно будет. Чувствую, самое время высаживать.

Стоит машина на обочине. Старик на стульчаке с важным видом. Птички поют.

Италия. Выпуски телевизионных новостей.

«Новые детали в деле об исчезновении» тараторят нервно дикторы разных каналов.

К уже виденным эпизодам – осмотр полицией виллы, пролома в парапете, фото Старика и синьора Чезаре, подъем из моря трупов – добавилось интервью с теми самыми священником и служкой, что отпевали покойника.

Бац! Под текст дикторов, что на вилле было ещё двое слуг, появляются на экранах скетчи – ориентировки. То ли на предполагаемых фигурантов по делу, то ли на жертв. На одном из них плохонькое фото, на котором можно угадать Марусю. И пустая рамка со схематическим изображением мужчины. Понятно, что должен быть образ Николая, но, видно, полиция ничего предложить не может. Поэтому пустой квадрат со знаком вопроса и подпись «мужчина из Украины». Дикторы часто произносят слово *Ucraino*.

На экране новостных каналов могила синьора Чезаре. Те-

перь она вся уже в пышных венках. Торжественно стоят у могилы многочисленные члены «Семьи». Все старательно в чёрных очках. Среди них Хромой Луиджи и тот самый переводчик Виталий. Видно, как журналисты пытаются взять интервью у Луиджи и других членов «семьи» и как те избегают объективов телекамер. А в студиях телевидения разные важные эксперты обсуждают загадочное исчезновение синьора Лоренцо.

Украина. Дорога. День.

Николай опустошает ведёрко, складывает стульчак. Усаживает Старика в машину.

Едут.

– И как ты это всё чувствуешь? – удивляется Маруся.

– Что?

– Ну, когда пить, когда срать?!

– Чувствую.

Бежит дорога. Родные пейзажи. От полноты чувств Николай запекает. Маруся подхватывает. А потом перехватывает инициативу и своим высоким, грудным голосом ведёт чудную украинскую песню.

Старик смотрит прямо. В его пустых глазах отражается дорога...

Украина. Карпаты. Дорога. Утро.

Едут. Маруся показывает Николаю на развилке налево:

– Сворачивай. Пойдём через перевалы.

– Куда это?!

– Меня домой! Завезёшь и дальше дуй с дедом к себе.

– Ну, это мы не договаривались – Николай резко тормозит, – Мне прямо! Это ж какой крюк. А горки!? Подвеска полетит. Доменялась машинами, дура! А, не дай бог, развалится с твоими горками?! А мне ещё пилить и пилить. Так что давай... Куда тебя подвезти и всё... «До рідної хати» я не нанимался.

– Ах, так! Тогда давай вон до того поворота на Стрый. Мы не гордые. Автобусом. Так что «у рідній хаті» завтра к вечеру буду. Но ты москаль пархатый! Машину, между прочим, мы вместе зарабатывали. Я торговалась так... А-а-а... А ты, значит, так! – твердит Маруся в ярости и перед тем как замолчать: – Ладно, срань подводная.

– Я срань?! Да я не нанимался тебя катать. Вообще, свалилась мне на голову. Маруся!

Девушка сдерживается из всех сил, старательно молчит.

На дороге у развилки старая разваленная будка, когда-то бывшая автобусной остановкой. Маруся показывает рукой «тормози!», выбирается из машины, выгружает свои сумки. Хлопает из всех сил дверцей. Отходит. Возвращается. Пока-

зывает нахохлившимся за стеклом Николаю – мол, открой окошко машины.

Тот крутит ручку, открывает. Она кричит ему в лицо:

– Пошёл нахуй! – показывает, что он может крутить ручку обратно, закрывать окошко.

Николай резко срывает машину с места. Так, что Старик качнулся.

Машина исчезает за поворотом. Маруся ходит туда-сюда, выпускает пар. Наконец успокаивается. Садится на камень. Пустая дорога.

Нахохлившийся Николай ведёт машину. Думает.

Обращается к старику:

– Да пошла эта горластая! Аж голова от её криков гудит! Да? Правильно, Дед? Правильно. Там же такие горки в её сранной Буковине. Мотор спалим. Я ж машину свою должен жалеть? Должен. Так же я тебя, Дед и домой не довезу.

Резко тормозит. Разворачивает машину и гонит назад. Тормозит возле сидящей Маруси. Ждёт.

Выскакивает, обегает машину, распахивает дверцу.

Если бы Старик мог воспринимать, было бы ему над чем посмеяться:

Маруся вскакивает, отбегает. Николай гоняется за ней. Видно, просит прощения. Потом просто начинает забрасывать её сумки в машину. А девушка их вытаскивать. Бьёт парнишку кулаками.

Несётся дорога. Маруся сидит, надувшись. Меняется пей-

заж. Действительно, горки – перекааты. Вот они толкают машину, выбираясь из лужи. Вот буксуют в колее.

Наконец село.

Украина Карпаты. Село Дом Маруси. День.

Двор «рідної хати». Дед сидит на стульчаке. Николай отмывает машину от грязи. Маруся несёт сковороду с яичницей.

Едят прямо со сковородки, сидя под яблоней во дворе. Смеются. Кормят Старика. Говорят с ним, будто он может ответить.

Николай достаёт деньги:

– Вот это та половина от итальянца за наш лимузин.

– Ты чего?

– А по честному. Попролам. Мне машина. Тебе деньги.

– Та, какая это машина!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.